

УДК 94(497.1):351.858

Шахин Юрий Владимирович, доцент кафедры «История» ФГАОУ
«Севастопольский государственный университет», к.и.н., доцент

e-mail: y-v-shahin@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛЕМИКА 1961-1962 ГГ. О СУЩНОСТИ ЮГОСЛАВИЗМА И НАЦИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ЮГОСЛАВИИ

Аннотация. В начале 1960-х гг. в Югославии прошла первая публичная дискуссия о природе интеграционных процессов и югославизма. Ее участниками стали сербский писатель Д. Чосич и словенский литератор Д. Пирьевец. Они выступили рупорами союзных и словенских политиков. Пирьевец абсолютизировал нацию, доказывал, что национальная интеграция – дело далекого будущего, югославская интеграция не может быть выделена из мировой, югославского критерия в культуре не существует, а югославизм и Югославия приемлемы лишь как чисто политическая концепция. Чосич настаивал на противоположных взглядах и был убежден, что централизм не является угрозой для югославских наций. Публичный спор вызвал значительный общественный и политический резонанс.

Ключевые слова: Югославия, Сербия, Словения, Чосич, Пирьевец, национальные процессы, культурная интеграция, полемика, югославизм.

Shakhin Yuri Vladimirovich, associate professor at the department of history
Sevastopol state university, candidate of historical sciences, associate professor

e-mail: y-v-shahin@yandex.ru

LITERARY POLEMIC IN THE YEARS OF 1961-1962 ON THE ESSENCE OF YUGOSLAVISM AND NATIONAL DEVELOPMENT IN YUGOSLAVIA

Summary. In the early 1960's there was the first public discussion in Yugoslavia about the nature of integration processes and Yugoslavism. The participants were Serbian writer D. Ćosić and Slovenian writer D. Pirjevets. They were spokesmen for the Federal and Slovenian politicians. Pirjevets presented nation as absolute value, argued that integration of nations is a matter of the distant future, Yugoslav integration can not be singled out from the world one, the Yugoslav criterion does not exist in culture, and Yugoslavism and Yugoslavia are acceptable only as a purely political concept. Ćosić insisted on opposing views and believed centralism is not a danger for Yugoslavian nations. The public dispute caused significant public and political resonance.

Key words: Yugoslavia, Serbia, Slovenia, Ćosić, Pirjevec, national developments, cultural integration, polemics, Yugoslavism.

Уже во второй половине 1950-х гг. в Югославии наблюдались различные представления о сущности межнациональных отношений в стране, взаимодействии национальных культур, желательных результатах интеграционных процессов и, тем самым, перспективы развития югославизма. В начале 1960-х гг. разногласия вокруг их понимания вышли на поверхность и вылились в публичную полемику Добрицы Чосича (1921-2014) и Душана Пирьевца (1921-1977). Оба были литераторами, участниками Народно-освободительной войны 1941-1945 гг. и членами Союза коммунистов Югославии. Ко времени полемики Чосич уже был знаменитым сербским писателем, входил в ЦК Союза коммунистов Югославии, а в 1957 г. при разработке новой партийной программы поучаствовал в обсуждении концепции социалистического югославизма [Ћосић 2000: 117, 122-123]. Пирьевец был известен как редактор словенских журналов и газет, выступал как литературный критик и преподавал историю литературы в Люблянском университете.

В начале 1960-х гг. в Югославии обострились экономические проблемы, впервые после 1952 г. наступила экономическая депрессия. На этом фоне усилились межреспубликанские противоречия и центробежные процессы.

Словенская партийно-государственная бюрократия стала требовать углубления рыночных реформ, дальнейшей децентрализации всех видов хозяйственной деятельности и ослабления союзного центра. Особенно заметным оказался конфликт между Словенией и союзными властями из-за плана на 1962 г. Полемика Чосича и Пирьевца вспыхнула именно в этих напряженных условиях. В обществах советского типа традиционно большую роль в развитии общественного мнения играли литература и публичные высказывания писателей. Несмотря на политику десталинизации и сознательного отхода от советского опыта в Югославии сохранялось представление о писателях как об инженерах человеческих душ, поэтому публичный спор двух литераторов о национальных процессах вызвал в стране большой общественный резонанс, а напряженность в экономике и политике значительно усилила его эффект.

Поводом к полемике послужило интервью, которое Д. Чосич дал загребской газете «Телеграм» 20 января 1961 г. Там он заявил, что уровень межреспубликанских контактов всегда будет недостаточным, пока существуют республики, и выразил озабоченность появлением молодых поколений националистов. В марте Д. Пирьевец откликнулся на это интервью короткой иронической заметкой «Простите, что вы сказали?», которую напечатал словенский журнал «Наша содобност» [Pirjevec Oprostitute 1961]. В заметке Пирьевец указал, что от заявления Чосича недалеко до мысли, будто «пассивность в межреспубликанских отношениях исчезнет лишь тогда, когда больше не будет республик». Он также обвинил Чосича, что борясь с вампирами национализма тот забывает об унитаристах и борьбе с «двуглавым вампиром централизма», намекая то ли на герб королевской Югославии, то ли на интегральный югославизм в целом. Пирьевец высказался за неприкосновенность республик и призвал осудить всех «централистских вампиров».

Примерно в сентябре 1961 г. Чосич прислал в редакцию «Нашей содобности» большую статью «О современном несовременном национализме». Пирьевец подготовил на статью ответ «Славянство, югославянство и социализм». Журнал опубликовал обе статьи в декабрьском номере. Полемика вызвала колоссальный резонанс. Ее материалы перепечатали словенский

ежедневник «Дело», сербские журналы «Дело» и «Книжевне новине», общесоюзная газета «Борба». В феврале 1962 г. Чосич ответил Пирьевцу статьей «Нация, интеграция, социализм». В апреле Пирьевец опубликовал статью с бесхитростным названием «Ответ Добрице Чосичу», наконец Чосич выпустил краткое обращение «К читателям» в мае 1962 г., и на этом публичная полемика завершилась. В бывших югославских республиках спор двух литераторов нашел определенное отражение в историографии. Особый интерес к нему проявляют словенские авторы [Gabrič 1995: 345-353; Perović 2005; Repe 1990: 13-16; Štih 2008: 452-454]. На русском языке он освещался лишь в виде краткого обзора Е. Ю. Гуськовой [Югославия 2011: 704], поэтому прежде чем анализировать последствия спора, нужно более обстоятельно рассмотреть позиции спорящих сторон.

Оба участника полемики были людьми своего времени. Поэтому в ряде вопросов у них обнаруживается сходство. Они оба прибегали к марксистской терминологии для выражения своих взглядов, хотя Чосич делал это вполне органично, а Пирьевец формально, как дань этикету. Оба изначально соглашались с официальной точкой зрения, что югославизм не имеет национального содержания, хотя Чосич в ходе полемики попробовал его ввести. Оба уделили значительное внимание критике национализма своей нации, чтобы иметь моральное право говорить о национальных процессах во всей Югославии. И тем не менее по ряду принципиальных вопросов литераторы обнаружили резкие разногласия.

Чосич написал пламенный текст в защиту интеграционных процессов в форме социалистического югославизма. По его словам он одновременно против гегемонизма и национальной замкнутости и выступает за «югославское утверждение всего качественного» в культуре, независимо от языка народа, на котором этот продукт был создан [Ćosić 1961: 1102]. Это замечание отсылало читателя к полемике 1956-1957 гг. о югославском критерии в культуре, которая завершилась его отрицанием в пользу критерия качества [Režek 2005: 136]. Таким образом, Чосич пытался соединить отсутствие югославского критерия в культуре с отстаиванием югославских интеграционных процессов.

Чосич утверждал, что в межнациональных отношениях не все

благополучно: в югославском обществе нарастают разногласия, появились национализм и шовинизм под красной звездой, в особенности на экономической почве. Причины роста национализма связаны с тремя обстоятельствами: с повышением благосостояния, которое привело к увеличению материальных потребностей и запросов; с негативным воздействием окружающего мира на югославское общество; с молодостью и, как следствие, неразвитостью югославских культур. В таких культурах пользуются признанием произведения, которые не имеют никаких достоинств, кроме чисто национальных признаков [Ćosić 1961: 1103, 1105, 1107-1109].

По Чосичу в современной ему Югославии нужно различать два типа национализма. Первый – классический, контрреволюционный, идущий из прежней эпохи. Второй развивается в социалистической оболочке и свойственен переходной эпохе строительства социализма. Это болезнь роста, что-то типа временной эйфории от национальной свободы. Чосич подчеркивает, что национализм – это главный внутренний враг, потому что его усиление создает угрозу социалистическому югославизму. Под лозунгами национализма объединяются мелкие буржуа, сепаратисты, партикуляристы, противники братства и единства. Эти люди атакуют всякое слово и мысль о югославизме. Они готовы проклясть и отождествить «федерализм революционной общественно-политической системы» с централизмом великосербской буржуазии. О присутствии в их рядах партийно-государственной бюрократии Чосич предпочел умолчать. Он лишь намекнул на бюрократию республик, когда сказал, что среди националистов есть группы, которые вспоминают марксизм и интернационализм только для противостояния союзному бюрократизму и централизму или когда чего-то требуют от других [Ćosić 1961: 1109-1110, 1111, 1112, 1114].

Чтобы остудить националистов Чосич вспомнил опыт освободительной войны и подчеркнул, что национальное государство – не самоцель. Это средство для достижения целей социалистического строительства, так как в годы войны народы Югославии боролись не только за национальное самоопределение, но и за смену общественного строя. Потому национальное подчиняется социалистическому [Ćosić 1961: 1104].

В тогдашней политической культуре Югославии было принято осуждать национализм одновременно с бюрократическим централизмом союзного уровня. Однако Чосич открыто отказался это делать. По его словам успехи децентрализации делают угрозу бюрократического централизма для югославских народов несущественной. Решающий бой с этим врагом уже выигран. К тому же Чосич считал, что критики великосербского национализма, которую он дал в статье, достаточно, чтобы не причислять его к апологетам централизма [Ćosić 1961: 1111, 1113-1114].

В качестве противоядия националистической угрозе Чосич выдвинул общегославские интеграционные процессы на социалистической основе. Для этого представитель каждой югославской национальности должен бороться с национализмом в своей собственной культуре для обеспечения единства социалистических интересов. Чосич настаивал, что нужно преодолевать собственную национальную ограниченность культуры, в противном случае это означает поддержку буржуазного мировоззрения, и дальше наметил историческую последовательность этого процесса: «Кто сейчас не видит исторического и общественного смысла культурного творчества своего народа в социалистическом сближении со всеми югославянскими народами, а потом также со всеми народами мира, тот традиционный захолустный националист и реакционер» [Ćosić 1961: 1113]. По сути повторяя ведущего партийного теоретика Эдварда Карделя, он заявил, что развитие югославского сознания - это часть исторически неизбежного процесса интеграции мира и становления на планете социалистической цивилизации. Но ясного представления о целях интеграции в югославском пространстве у Чосича не было: то он писал о слиянии народов Югославии в единое целое, то всего лишь о братстве, которое слияния не предполагает [Ćosić 1961: 1106, 1107]. Свою статью Чосич завершил настоящим гимном югославизму, который содержательно является пересказом партийной программы и трудов Карделя по национальному вопросу. Как справедливо отмечает сербский историк Латинка Перович, если очистить слова Чосича от риторики и патетики, «они абсолютно, даже по выражению, не отличаются от тогдашних рефератов на партийных и государственных форумах» [Perović 2005: 201].

Пирьевец написал свой ответ в спокойной манере. Он избегал резкостей, лишних эмоций, даже делал Чосичу реверансы, но при этом твердо проводил свою мысль. Прежде чем говорить о частностях, он изложил свои взгляды на природу нации, почему-то объявив их марксистскими. По Пирьевцу национальность и нация появляются при капитализме, но обе не являются буржуазными категориями: они надклассовые или внеклассовые. Отсюда Пирьевец делает вывод, что вопреки Чосичу национальное сознание без социалистического содержания не обязательно является националистическим и буржуазным, оно просто малоразвитое. Затем он преувеличивает роль нации: «...Национальность является существенным конституирующим элементом человеческой личности, представляет в определенном смысле основу ее существования, исходную точку ее общения с миром. Урезать национальность, означает, следовательно, урезать человеческую личность, означает поставить под угрозу ее существование. Последовательное и всестороннее признание нации и национальности, следовательно, означает только признание целостности человеческой личности, следовательно, только вопрос действительной демократии и действительной свободы». Вслед за этим Пирьевец потребовал «абсолютного признания нации во всем ее природном объеме», тем самым приходя к отрицанию всякого историзма при ее понимании [Pirjevec Slovenstvo 1961: 1118].

Нация по Пирьевцу является особым организмом, а национальные республики Югославии – это способ его признания и утверждения. Однако как член СКЮ Пирьевец знал, что в связи с победой социализма государство отомрет, и национальных республик не будет. Из этого он делал вывод, что нация останется, и процесс отмирания государства «со временем подчеркнет категорию нации». Затем Пирьевец все-таки признаёт, что нации тоже когда-то исчезнут, но произойдет это не путем поглощения и включения меньших национальных образований в большие: все национальные организмы должны развиваться до такой степени, что исчерпают возможности дальнейшего развития и превзойдут себя [Pirjevec Slovenstvo 1961: 1119, 1120].

Перейдя к конкретике, Пирьевец в первую очередь напал на отношение Чосича к централизму. Он справедливо отметил, что централизм в Югославии

это не только великосербский гегемонизм: он также проявляется как практика и идеология центрального бюрократического аппарата, поэтому нужно вести борьбу на два фронта, как против национализма, так и против централизма. Используя оборот Чосича, Пирьевец предложил говорить о современном несовременном централизме [Pirjevec Slovenstvo 1961: 1124-1125].

Особое раздражение у Пирьевца вызвала идея интеграции по этапам, когда сперва сливаются в единое целое народы Югославии, а потом возникший на этой основе организм включается в мировую интеграцию. Эту последовательность он назвал «математически-геометрической утопией» и противопоставил интеграции борьбу за равноправие [Pirjevec Slovenstvo 1961: 1120]. Югославия, по его мнению, это не этап, а часть общемировой интеграции. Чтобы лишить югославскую интеграцию всякого прикладного смысла, он выдвинул формулу: «Югославские народы включены в два процесса, их судьба двусторонняя. Одно направление внутренне югославское, другое общее, европейское, мировое; это два одновременных направления, одно другого не исключает, принимать во внимание мы должны оба, признавать мы должны оба, иначе неизбежно соскользнем в односторонность и в односторонние концепции» [Pirjevec Slovenstvo 1961: 1126].

Наконец Пирьевец лишает югославизм всякого культурного содержания. Он ухватился за беглое замечание Чосича о югославском критерии в культуре и подробно по нему прошелся, напомнил итоги дискуссии 1956-1957 гг., что такого критерия нет, и провозгласил альтернативой ему полный культурный плюрализм. В культуре Югославии не должно быть ничего общегославского, и все культурное развитие должно идти через национальные культуры. Как югославский социализм является выражением универсальных человеческих критериев, так должно обстоять дело и с культурными явлениями в стране. По сути он подменял югославизм универсализмом. «Думаю, что между национальным и общим, общечеловеческим нет необходимости ставить еще один ряд, нет необходимости ставить еще одно место, нет необходимости ставить еще одно особое югославское место» [Pirjevec Slovenstvo 1961: 1128]. Итак, Пирьевец абсолютизировал нацию с ее культурой и не оставлял никакого культурного пространства для югославизма. Культурная интеграция в пределах

Югославии утрачивала всякое содержание и смысл.

Отвечая Пирьевцу в статье «Нация, интеграция, социализм» Чосич избрал более спокойный тон, чем прежде, и частично пересмотрел свои взгляды. Так он признал, что необходимо бороться на два фронта и одинаково относиться к опасностям национализма и бюрократического централизма, и что в Югославии бывает ущемление национальных культур. В югославизме он выявил национальное содержание, которое первоначально отрицал. Эта новая трактовка была непоследовательна: с одной стороны югославизм – это способ удовлетворения национальных потребностей народов Югославии, а с другой стороны опирается на их этническое родство [Ćosić Naciја 1962: 140-142, 162-164]. Наконец, Чосич обосновал отмирание республик, опираясь на идеи Карделя и обратив внимание, что республиканские границы в Югославии почти нигде не совпадают с национальными, но подобно Пирьевцу признал, что нации трогать не надо: противостояние им антиисторично и антисоциалистично. Получалось, что исчезновение республик они переживут [Ćosić Naciја 1962: 153, 156].

Зато взгляд Пирьева на природу нации Чосич подверг беспощадной критике, показал, что нация - исторически преходящее явление и что она не является существенным конституирующим элементом человеческой личности, что его концепция в сущности немарксистская, односторонне трактует и обедняет природу человека, ведет к отрицанию борьбы за социализм, а также может служить идейным знаменем в борьбе за материальные ресурсы между республиками [Ćosić Naciја 1962: 143-151]. Чосич напомнил, что в национальном сознании есть классовое содержание и в обоснование своих оценок сослался на Маркса, Ленина и Карделя.

Пирьевец, по впечатлению Чосича, пытается лишь служить своей нации и национальной культуре, «эмоционально охвачен комплексом нации» и поэтому боится, что даже социалистическая интеграция ставит под угрозу национальную индивидуальность [Ćosić Naciја 1962: 153-154, 156], для него интеграция наций – далекое неопределенное будущее, и справедливость этого наблюдения сам Пирьевец подтвердил в своей ответной статье [Pirjevce 1962: 534-535]. Однако в Югославии эти интеграционные процессы уже идут, они

объективно обусловлены: «Если мы живем в государственном сообществе с общей экономикой, единой общественно-политической системой, единой общественно-исторической программой, в общегославской практике осуществления социалистических общественных отношений, почему бы эта историческая материально-общественная реальность считалась утопией? Зачем нужно опять «соглашаться» и решать, когда мы путем революции решили и согласились на жизнь в социалистическом сообществе Югославии, которое во всем, что создается и будет создаваться, является процессом социалистической интеграции...» [Ćosić Nacića 1962: 157]. Затем Чосич процитировал Маркса, Ленина, Карделя и программу СКЮ, чтобы показать, насколько Пирьевец отстает от их понимания интеграции, предложил ему согласиться с программой партии и предупредил: «Сопротивление югославской интеграции... это сопротивление социализму...» [Ćosić Nacića 1962: 165].

Чосич не привел теоретических аргументов, позволяющих обосновать потребность в среднем звене интеграции между нацией и общечеловеческим уровнем и тем самым отстоять необходимость Югославии. Пожалуй, единственный веский аргумент гласил, что в Европе капитализм, а в Югославии социализм, потому процессы интеграции в Югославии и остальном мире имеют объективную социальную границу. Поэтому сперва нужно более плотно интегрироваться внутри Югославии, а потом со всем миром [Ćosić Nacića 1962: 160-161].

Судьбу югославского критерия в культуре Чосич обошел полным молчанием. Видимо, ему нечего было возразить Пирьевцу, не подставив себя под удар за пересмотр общепризнанного вывода. Между тем, без выделения такого критерия теряли смысл все разговоры о культурной интеграции: югославизм в культуре становился неуловимой сущностью.

Пирьевец предпочел ответить Чосичу не по существу. Почти весь свой ответ он посвятил анализу его полемических приемов, ловко разобрал непоследовательность в формулировках оппонента и спрятался за свои собственные малозаметные для читателя оговорки. По мнению Пирьевца Чосич сконструировал из его слов собственную фантазию и громит ее вместо реальных взглядов оппонента.

Значительного развития взгляды Пирьевца в этом ответе не получили. Он приветствовал согласие Чосича, что централизм – враг равный югославизму, подтвердил, что не считает возможным выделить югославскую интеграцию из общемировой, подтвердил, что хотя процесс интеграции уже идет, его итог – дело далекого будущего [Pirjevec 1962: 526, 533, 534-535]. Но появились и новые мотивы. Пирьевец трижды чисто ритуально продекларировал свою приверженность югославизму, не приведя в ее пользу никаких обоснований [Pirjevec 1962: 527, 535, 549]. Наконец он казуистически попытался доказать, что выступает против абсолютизации нации. Это были чисто формальные уступки.

Из новых оценок, на наш взгляд, представляют интерес лишь два замечания. Во-первых, Пирьевец предельно ясно обозначил суть идущей дискуссии: каковы формы сосуществования народов Югославии. Во-вторых, он четко уловил источник разногласий: «Думаю, я недалек от истины, если утверждаю, что Чосич третирует нацию... прежде всего с позиции интеграции, следовательно прежде всего с позиции преодоления нацией самой себя». «Чосича занимает нация особенно как явление, которое в интересах интеграции должно преодолеть само себя» [Pirjevec 1962: 547]. Свое противоположное отношение к нации он предпочел лишний раз не формулировать. В ответе Чосичу Пирьевец заявил, что их рассудит история, а в конце явно высказал желание отказаться от полемики и в этом наконец нашел полное понимание оппонента. Любопытно, что Пирьевец ничего не возразил Чосичу на план отмирания республик, хотя полемика началась именно с их защиты. Поскольку Чосич отделил этот вопрос от судьбы наций, Пирьевцу этого оказалось достаточно для успокоения. Так что Чосич был всецело прав, что его оппонент «охвачен комплексом нации».

Чосич ответил коротким обращением «К читателям». По существу полемики он заявил: «...Пирьевец ни одним теоретическим фактором не опроверг обоснованность моих замечаний о его концепции нации, нации в социалистической трансформации общества, отношения между нацией и человеческой личностью, отношения между человеческим творчеством и его национальной принадлежностью. Наоборот, главные замечания он обошел

молчанием... Кроме совсем излишних для нашей дискуссии неуместных гражданских деклараций за Югославию, Душан Пирьевец ни одним новым идеологическим фактом не нейтрализовал оправданность моих замечаний об односторонности и однонаправленности его представлений о межнациональных отношениях и характере и функциях всестороннего, всеобщего общественного и культурного сотрудничества между югославскими нациями и национальностями как материализации и осуществления идеи братства и единства» [Ćosić Čitaosima 1962: 646]. Затем Чосич констатировал различное понимание социалистической интеграции и оставил оценку полемики на суд читателей.

Так впервые после 1945 г. писатели в федеративной Югославии публично обсудили вопрос о развитии интеграционных процессов в югославской культуре и общественном сознании, их пределах и желательных результатах. Хотя в ходе полемики взгляды Чосича и Пирьевца немного сблизились, по большинству принципиальных вопросов никакой общей позиции они не нашли. Polemika выявила глубокие разногласия, но весь их масштаб невозможно оценить, если не учесть, что за писателями стояли политики. Оба автора излагали свои тогдашние убеждения, но при этом выступали глашатаями определенных политических сил.

В отношении Чосича этот факт не вызывает сомнений ни у словенских, ни у сербских историков. Различные свидетельства и даже косвенные умолчания писателя позволяют утверждать, что к полемике против Пирьевца его подтолкнул сам Йосип Броз-Тито [Perović 2005: 198; Repe 1990: 14]. Правда, в 1961 г., открывая полемику, Чосич заявил, что вступить в спор его побудил рост национализма в Югославии, а также личные мотивы: превратное понимание его взглядов со стороны Пирьевца и редакции «Нашей содобности». Но в таком случае остается непонятным, почему он тянул полгода.

А в отношении Пирьевца почему-то до сих пор бытуют различные версии, хотя полную ясность в вопрос внес словенский историк Алеш Габрич уже в 1995 г.: Пирьевец сам захотел полемизировать, но сделал это лишь заручившись полной и всесторонней поддержкой словенского политического руководства. Получив осенью 1961 г. ответ Чосича на мартовскую заметку

Пирьевца, редактор «Нашей содобности» Драго Шега 3 октября письменно обратился к Б. Крайгеру с вопросом: можно ли развернуть полемику? Крайгер принял его уже на следующий день и лично с ним поговорил. Содержание разговора неизвестно, но его последствия очевидны: Пирьевцу дали зеленый свет. Журнал не только напечатал его ответ Чосичу, но и в том же декабрьском номере поместил после их статей очень иронично написанную заметку о поставщиках фильмов без словенских титров из других югославских республик [Pozabljeni 1961]. 29 ноября на День республики, главный югославский праздник, Пирьевцу дали слово на страницах словенской газеты «Дело». Там, не упоминая Чосича, он тоже развернул критику централизма [Gabrič 1995: 346, 348]. В это же время словенские чиновники Ёжа Вилфан и Бено Зупанчич начали открыто критиковать предложения союзных органов в области науки и культуры, добиваясь культурного обособления республики.

Полемика вызвала обеспокоенность в ЦК СКЮ. 26 декабря в Белграде состоялось совместное заседание комиссии по идеологической работе ЦК СКЮ и председателей республиканских комиссий. Докладчиком был Петар Стамболич – сербский партийный деятель. Он посчитал спор Пирьевца и Чосича нежелательным: полемика проходит в наэлектризованной атмосфере, усиливает публичные дискуссии и поэтому не способствует правильному решению национального вопроса. Словенские позиции в целом не нашли поддержки.

Вслед за этим 19 января 1962 г. состоялось заседание Исполкома ЦК Союза коммунистов Словении по национальным проблемам. Янез Випотник доложил о заседании союзной идеологической комиссии. Самым опасным для национальных отношений он признал централизм в полном соответствии с линией Пирьевца. Его коллеги по Исполкому высказались в том же духе. По их мнению, словенский национализм почти не проявляется, а то, что называют словенским национализмом, это якобы лишь реализация законных национальных требований. При этом Исполком тактически дистанцировался от полемики Чосича и Пирьевца, после того как увидел негативную реакцию на союзном уровне. Как заявил Б. Крайгер, полемика не является важным вопросом и устраивать по ней публичные дискуссии не нужно, в противном

случае это легко вызовет проблемы [Югославия 2011: 704; Gabrič 1995: 349-351; Repe 1990: 16]. В отличие от словенских историков Е. Ю. Гуськова полагает, что Исполком ЦК СКСл не совершал тактический маневр, а выразил свою сущностную позицию. Но оценки современников и фактические действия Исполкома противоречат такой трактовке. В апреле 1962 г. Александр Ранкович оценивал январские решения Исполкома ЦК СКСл как свидетельство молчаливого несогласия с линией союзного ЦК [Ročetak 1998: 275]. Действительно, на практике словенские политики продолжили прежний курс на культурное обособление. Уже 1 февраля в Белграде на заседании союзного комитета по просвещению и культуре словенский представитель при поддержке македонцев добился решения о децентрализации союзного кинематографического фонда.

Тем самым для Словении дискуссия литераторов стала поворотной точкой. Словенская политическая верхушка поддержала настроенную против югославизма националистическую интеллигенцию впервые после 1945 г. [Šabrič 1995: 353]. Причиной этого союза стало обострение борьбы региональных группировок господствующего класса за прибавочную стоимость. Как уже отмечалось, в 1961 г. обострился конфликт между словенской и союзной партийно-государственной бюрократией по вопросу дальнейшей децентрализации. Словенское политическое руководство требовало ее углубления. На практике это выразилось в беспрецедентном отказе от проекта плана на 1962 г.: словенская сторона была настроена так жестко, что двое депутатов-словенцев в Союзной скупщине открыто голосовали против него, а остальные покинули заседание [Ročetak 1998: 81, 84, 97, 108, 236; Štih 2008: 453]. Вступив в решительную борьбу с союзным центром на экономической почве, словенская партийно-государственная бюрократия нуждалась в идеологии, освящающей эту борьбу, и в поддержке народных масс, которую опять-таки невозможно было получить без внятной идеологической позиции, позволяющей влиять на общественное мнение.

В то же время через идеологическое наступление словенское партийное руководство рассчитывало найти себе союзников в борьбе против союзного центра и тем самым расколоть господствующий класс страны. Своей конечной

цели сломить центр эта попытка в 1961-1962 гг. не достигла, но кое-какое смущение в ряды югославских политиков внесла. Уже в декабре 1961 г. Вукашин Мичунович констатировал, что различные члены ЦК СКЮ по-разному оценивают уместность публикации в прессе полемики Чосича и Пирьевца [Ћабрић 1995: 350]. В марте 1962 г. Лазарь Колишевский подтвердил, что в отношении Пирьевца и его взглядов в партийном руководстве нет единодушной твердой позиции [Роџетак 1998: 226].

Исчерпывающих данных по размежеванию, которое с подачи словенского руководства спровоцировал Пирьевец, историки пока не собрали. Имеющиеся сведения позволяют говорить, что против Пирьевца были два серба – Ранкович и Ёван Веселинов. Ранкович входил в ближайшее окружение Тито, а Веселинов возглавлял ЦК Союза коммунистов Сербии. К ним также был близок Слободан Пенезич-Крцун, председатель Исполнительного веча Сербии. С другой стороны, среди высших партийных руководителей взгляды Пирьевца поддержал словенец Кардель. Кроме того, в Исполкоме ЦК СКСл полагали, что его позицию поддерживают в Хорватии [Ћосић 2000: 215, 220-221, 223; Роџетак 1998: 32, 108, 125; Репе 1990: 14, 15]. Таким образом, словенский литератор дал толчок развитию публичных дискуссий по национальному вопросу и обнаружил отсутствие единства в партийных рядах по отношению к национализму. Однако политические руководители Югославии, озабоченные ростом разногласий, обычно увязывали их в то время не с различными взглядами на культурные процессы, а с отношением к экономическим проблемам и политическому действию.

Высшее партийное руководство в итоге так и не приняло чью-либо сторону в полемике. Высказанное уже в декабре 1961 г. мнение о нежелательности публичного спора получило подкрепление в середине марта 1962 г. на расширенном заседании Исполкома ЦК СКЮ. Решающую роль сыграла позиция Тито. В ходе заседания он несколько раз обращался к межнациональным отношениям. Он отметил, что в первые послевоенные годы люди в Югославии хорошо понимали, какое место в стране занимают нации и республики, понимали их связь с единым югославским сообществом. Потому сразу после войны единство было самым прочным. Позицию Пирьевца и

последствия дискуссии он оценил негативно: после нее в стране начались публичные дискуссии националистического толка. Ранкович при этом выразил убеждение, что подобные вещи будут происходить и впредь. А позицию Чосича Тито подверг критике, не называя имени писателя. По его словам в партии развились центробежные процессы потому, что ЦК СКЮ начинают воспринимать как силу, которая защищает политику ликвидации национальных интересов и поддерживает некий югославизм, отрицающий национальные завоевания отдельных республик. В итоговой речи Тито сформулировал принцип борьбы на два фронта. Он сказал от имени всего руководства, что будем защищать национальные интересы, но не позволим, чтобы национальный вопрос превратился в дезинтеграцию Югославии [Роџетак 1998: 32, 108, 254, 258].

Стремление приглушить подобные дискуссии стало руководством к действию. Судя по свидетельствам Чосича и некоторым заявлениям Ранковича, который курировал спецслужбы, к марту 1962 г. Пирьевец оказался под негласным контролем органов: разговоры на его квартире прослушивались, или же спецслужбы обзавелись своим агентом в его круге общения [Роџетак 1998: 108; Репе 1990: 14-15]. А Чосичу в июне 1962 г. видные сербские руководители тактично посоветовали отказаться от публичной активности [Тосић 2000: 223]. Взаимное желание двух литераторов свернуть полемику, которое они обнаружили в апреле-мае, тоже может быть результатом политического давления. Однако усиление контроля за интеллигенцией не снимало проблемы, руководителям Югославии требовалось так или иначе определиться с отношением к югославизму. Тито предпочел сделать это самостоятельно, без подсказок снизу. В нескольких публичных выступлениях он прошелся по вопросам, поднятым в дискуссии.

6 мая 1962 г. в г. Сплите Тито выступил одновременно за сохранение югославского единства на социалистической основе и «национальное право отдельных республик возвращать свои традиции» [Роџетак 1998: 294]. 29 декабря 1962 г. в г. Железнике Тито словно вспомнил о годичной давности полемики и заявил, что югославскую интеграцию нужно предпочесть мировой. При этом единство экономики государства не задевает прав национальностей, а

противоположные представления ошибочны и «не исходят из рядов рабочего класса, а их подают различные интеллигенты. Мы должны обращать на это внимание и не можем позволить, чтобы такие представления распространились». Это был явный выпад против линии Пирьевца, но Тито тут же смягчил его оговоркой, что в культурное развитие республик никто вмешиваться не будет [Борба 1962]. Но даже в таком виде его выступление вызвало негативную реакцию у интеллигенции [Repe 1990: 26].

23 января 1963 г. Тито произнес речь на съезде Народной молодежи Югославии. Она также была компромиссной и даже непоследовательной. Так Тито высказался за выработку общей социалистической культуры Югославии, словно одобряя Чосича, и тут же заявил, что югославизм нужно понимать в чисто гражданском духе – как гражданство Югославии. Это уже смахивало на поддержку словенской позиции. Тито высказался за экономическую интеграцию, указав, что она никак не затрагивает интересы отдельных национальностей. При этом неправы те, кто думает, «что интеграция должна ликвидировать национальности и имеет целью создание новой единой нации». Это был удар по людям, радикализм которых превосходил Чосича. И тут же Тито заявил: «Бессмысленны также и представления тех, кто считает, что всякая нация, всякая республика в социалистическом сообществе должна иметь все атрибуты государства» [Борба 1963]. Это был удар по людям, радикализм которых превосходил Пирьевца. Продолжая борьбу на два фронта Тито подверг критике сербский и словенский гегемонизм. Последнее было новацией – раньше словенцев критиковали только за национализм и шовинизм.

В целом Тито старался закрепить прежний курс, обобщенный в партийной программе. Но теперь он приобрел внутренне непоследовательный характер. Собственно этот результат логически вытекал из разногласий высших партийных руководителей Югославии: раз они не смогли занять единую позицию во время спора Пирьевца и Чосича, любое обобщение и согласование их взглядов выливалось в непоследовательный компромисс. Тито мог думать, что дав публичные установки, он поставил точку в споре о югославизме, но история быстро показала, что это была лишь точка с запятой.

Еще одним последствием дискуссии литераторов стала эволюция

общественно-политических взглядов самого Чосича. В ходе полемики он внимательно изучил книгу Карделя «Развитие словенского национального вопроса» и активно к ней апеллировал, но уже тогда понял, что не согласен с некоторыми из ее концепций, а 1 апреля 1962 г. в разговоре с самим автором книги обнаружил, что тот солидарен с основными выводами Пирьевца: интеграция – далекое будущее, югославская интеграция не может быть выделена из мировой, югославского критерия в культуре не существует, а югославизм и Югославия приемлемы для словенцев лишь как чисто политическая концепция. Из этого разговора Чосич сделал вывод, что словенцы, и Кардель персонально, эгоистически используют сербов для решения своих национальных задач при помощи собственной концепции Югославии. Отсюда Чосич прямо пришел к задаче пересмотреть собственные взгляды на Югославию и ее роль для сербов: «Опять, значит, мое поколение иллюзорно, некритически и незрело, совсем нереалистично ангажировало себя за Югославию. ...Сербский народ имеет право приобрести понимание своего действительного положения, понимание Югославии, понимание своей исторической перспективы» [Чосич 2000: 222].

В опубликованной за месяц до этого поворота «Нации, интеграции, социализме» Чосич сделал характерное признание, которое и предопределило у него способ переосмысления югославизма: «О социализме своей нации и своей национальной культуре я не могу размышлять вне югославского концепта» [Čosić Nacija 1962: 139]. С учетом этого замечания выходило: подобно тому, как словенцы используют югославизм для отстаивания своих национальных интересов, сербы тоже должны так поступать.

В ходе полемики с Пирьевцем Чосич неоднократно громил особую разновидность югославизма, которая в сущности является формой сербского национализма [Čosić 1961: 1110; Čosić Čitaocima 1962: 646]. Но в итоге он к ней и пришел. Впрочем, как честный человек, он уже в первой статье «О современном несовременном национализме» открыто предупреждал: «...Я не присягаю, что у меня есть иммунитет перед националистическими бациллами. Эта чума опустошала нашу историю и наши жизни. Воздух еще зачумлен, ветры приносят эти бациллы со всех сторон света, мы их вдыхаем, их вирус в

нас. Партийные книжки и памятные партизанские значки, как мы видели, нам не гарантируют стопроцентного иммунитета» [Ćosić 1961: 1102].

Соединение югославизма с сербской национальной программой оказалось у Чосича довольно непоследовательным и невнятным [Milosavljević 2005], тем не менее, личная траектория его идейной эволюции – это типичный пример. По такому же пути пошла значительная часть сербской интеллигенции, которая не хотела порвать с формой югославизма и, поменяв содержание, осталась верна ей даже после распада СФРЮ. Когда в начале 1990-х гг. людям такого образа мыслей представилась возможность сохранить обломки Югославии именно как инструмент реализации сербских национальных интересов, в этом деле нашлось место и для Чосича. Он стал первым президентом Союзной республики Югославия.

В 1962 г., полемизируя с Пирьевцем, Чосич написал пророческие слова: «"Абсолютное признание нации во всем ее природном объеме" и в наших югославских общественных условиях, несмотря на то, что Душан Пирьевец этого не желает, может вести к национализму и отказу от идейной и политической борьбы против антиюгославских сил и тенденций» [Ćosić Nacija 1962: 150]. Именно так и получилось. Как мы теперь хорошо знаем, линия Пирьевца полностью восторжествовала и похоронила югославизм.

Список источников:

1. Борба. – 1962. – 30 децембар.
2. Борба. – 1963. – 24 јануар.
3. Ћосић Д. Пишчеви записи, 1951-1968. – Београд-Нови Сад: Филип Вишњић - Будућност, 2000. – 419 с.
4. Югославия в XX веке: Очерки политической истории. – М.: Индрик, 2011. – 888 с.
5. Ćosić D. Ćitaocima // Delo. – 1962. – №5. – S.645-648.
6. Ćosić D. Nacija, integracija, socijalizam // Delo. – 1962. – №2. – S.137-166.

7. Ćosić D. O sodobnem nesodobnem nacionalizmu // Naša sodobnost. – 1961. – №12. – S.1099-1115.
8. Gabrič A. Socialistična kulturna revolucija: slovenska kulturna politika 1953–1962. – Ljubljana: Cankarjeva založba, 1995. – 373 s.
9. Milosavljević O. Jedno (ne)razumevanje Jugoslavije: Ranković na prekretnici // Dijalog povjesničara-istoričara. – Knj. 9. Zagreb: Zaklada Friedrich Naumann, 2005. – S.417-431.
10. Perović L. Kako su se izražavali različiti politički interesi u Jugoslaviji? Polemika između Dobrice Ćosića i Dušana Pirjevca 1961/1962. godine // Dijalog povjesničara-istoričara. – Knj. 9. Zagreb: Zaklada Friedrich Naumann, 2005. – S.189-209.
11. Pirjevec D. Odgovor Dobrici Ćosiću // Delo. – 1962. – №4. – S.526-551.
12. Pirjevec D. Oprostite, kako ste rekli? // Naša sodobnost. – 1961. – №3. – S.286-288.
13. Pirjevec D. Slovenstvo, jugoslavanstvo in socializem // Naša sodobnost. – 1961. – №12. – S.1116-1129.
14. Početak kraja SFRJ. Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane od 14 do 18 marta 1962. godine. – Beograd: Arhiv Jugoslavije, 1998. – 311 s.
15. Pozabljeni junaki, pozabljena dejanja // Naša sodobnost. – 1961. – №12. – S.1165-1167.
16. Repe B. Obračun s „Perspektivami“. – Ljubljana: Znanstveno in publicistično središče, 1990. – 102 s.
17. Režek M. „Jugoslavanstvo“ in mednacionalni odnosi v Jugoslaviji v petdesetih letih 20. stoletja // Prispevki za novejšo zgodovino. – 2005. – №2. – S.133-145.
18. Štih P., Simoniti V., Vodopivec P. Slovenska zgodovina: družba - politika - kultura. – Ljubljana: Institut za novejšo zgodovino, Sistory, 2008. – 574 s.